

Меня вырвало.

Так всегда случается, когда вселяешься в чье-то тело. Оглядываю свои ладони... Вот я и человек. Как чудесно быть живым! Делаю вдох... Ах, сколько свежести, сколько запахов, сколько удовольствия в одном глотке воздуха! Как замечательно снова оказаться внутри этой клетки мыслей, эмоций и желаний...

Мне нужно немного размять тело, привыкнуть к нему. Много веков назад я был прекрасным танцором. Ох, так, да-да, вот так, я помню!.. Впрочем, эти танцы вполне могли устареть. Внезапно складываюсь пополам от резкой боли: со мной что-то не так. Расстегиваю брюки — стежки шва над пахом. Черт! Из глубин памяти этого тела извлекаю воспоминание о недавней операции. М-да, не повезло. А еще на мне несколько странный костюм, но он отлично сидит и наверняка считается элегантным в это время. «В наше время», — поправляю сам себя.

Оглядимся? Кажется, сквер. Еще рано, очень рано, первые лучи только коснулись листья. Я скучал, Светило! Поднимаю руки и закрываю себе глаза: на оранжевой поверхности век вижу крохотные прозрачные тельца, напоминающие одноклеточных, — низших паразитов, которые обитают в глазах рода людского и питаются мелкими соблазнами. Они пугаются внимания и стараются ускользнуть от моего взгляда, ловко отталкиваясь от него.

Пойдем-пойдем, я голоден! В стороне — церковь. Я стою на возвышении, и мне виден звонарь, поднявшийся на колокольню. Краду его слух и, довольный, иду дальше. Вот и улица. По ровной поверхности дороги движется какое-то устройство с молодой парой внутри. Узнаю новое слово: автомобиль. Адские чертоги, да как это работает?! Пытаюсь получить эти знания из памяти человека, место которого занял, но его невежество в этом вопросе просто потрясает. Хм, кажется, мир успел сильно измениться — по крайней мере, дерьма под ногами точно стало меньше.

Нет, как же я голоден, просто невероятно! Достаяю из кармана так называемый телефон и жму на какие-то кнопки. Нужно что-то сказать? Вслух?! Да ладно... «Хочу есть!» На экране появляется карта и стрелка, указывающая направление. Послушно следую ей, чувствуя себя идиотом. Прибавляю шаг, почти бегу: улочка — площадь — итальянский ресторан. Здесь никто не знает средневекового итальянского, ха-ха! Обворожительный официант с чарующей улыбкой... Жаль, но сегодня я предпочитаю женщин. Будьте добры, ризотто с телячьими щечками и лучшего вина. И поторопитесь, пожалуйста. Где уборная?

Как здесь чисто, какое освещение! Поглядим-ка в зеркало... О, да я настоящий денди! Я молод и хорош собой, а это всегда кстати. Иду помочиться и заодно оглядеть мой сегодняшний половой набор. Немного помнем рукой... Угу, сей экземпляр в полном порядке. Чуть выше — длинная свежая рана, заштопанная синими нитками. Вроде не болит, если не совершать резких движений... Выходим. Телефон постоянно звонит, я отключаю звук. Превосходная пища, волшебное вино! Поднимаю бокал за свое рождение.

После завтрака я, весь в предвкушении следующего удовольствия, выхожу

на площадь... и не верю глазам — колоссальные строения возвышаются в какой-то сотне метров от меня. Как это я их не заметил?! На мгновение испытываю сомнение в том, что они возведены людьми. Высоко задираю голову, так как их верхушки прячутся в ластящихся облаках. Облицованные солнечными батареями небоскребы в десятки раз превосходят своими масштабами все, что я когда-либо видел. В опаловой высоте что-то движется, царапая небесный свод... Самолет! Они используют их, чтобы перемещаться по планете. Рядом — ребенок надевает очки виртуальной реальности и запускает в воздух механическую птицу-дрона. Я ошеломлен и растерян. Проклятье, они вознамерились познать все сущее! А что если... Нет-нет, быть не может! Спешу удалиться прочь, но, не удержавшись, несколько раз оглядываюсь. Меня пугает власть, оказавшаяся в руках если и разумного, то лишь отчасти человечества.

Глаза жадно шныряют, ощупывая лица и фигуры женщин в поисках подходящей: сотни лет воздержания десятикратно усиливают желание. А они изменились... Теперь даже простолюдинки умеют правильно подать себя. Одни смущены моим вниманием, полным нескрываемого вожделения, другие выглядят польщенными — всё как всегда...

Стоп. Дьявол! Меня словно снова подожгли: я вдруг увидел нечто значительно большее, чем то, на что рассчитывал. Она выходит из такси. Как выверено, как откровенно ее рубиновое платье! Сотни соблазнов этого безупречного тела оголодалой волчьей сворой накинудись на меня. Мои ноздри расширяются, а глаза наливаются кровью от визуальных наслаждений, являемых ею: равнодушное кукольное личико, приоткрытая наглым вырезом грудь, перехваченная кожаным пояском талия и раскачивающие сознание ноги. Нужно догнать ее прежде, чем она войдет в здание.

Она оборачивается. Длинные черные ресницы — две венерины мухоловки, попав в которые мое самообладание низвергается на самое дно ее изумрудных глаз. Ее губы — нежнейшие края рассеченной и вывернутой наружу алой плоти — приоткрыты, видны подковки снежнобелых зубов. Я никогда не видел таких пышных и красивых волос, мне хочется навсегда спрятаться под их пологом и быть просто никем. От пряного запаха крови, пульсирующей внутри этого чуда, я едва заметно пошатнулся. Заглядываю в ее глаза, пытаюсь внушить любовь к себе, но что-то идет не так — моей силе, моим чарам, моему темному обаянию не за что там зацепиться. Она смотрит на меня отстраненно, как смотрят на ничтожество. Беспомощный, хочу взять ее за руку, но она уходит... Что же это, что происходит?! В голову приходит единственно возможный ответ: неверующая. Бездушная тварь! Но я никогда не видел ничего прекраснее.

Темноволосая девушка сидит на лавочке с книгой. Вся в черном, в тяжелых кожаных ботинках, обитых металлом. Ее мрачный силуэт привлекает своей нескрываемой агрессией и неприступностью. Волосы ярко блестят на солнце; мне виден лишь склоненный овал бледного лица. Беру ее за подбородок и встречаюсь взглядом с темными глазами — в них лишь недоумение и закипающая ярость. Она бьет меня по руке, и я замечаю перевернутый крестик у нее на шее. Синьорина зачем-то лезет в сумочку, и я убегаю. Едва ли то был ключ от ее сердца... Чертовщина! Что со мной? Начинаю сомневаться в собственном могуществе.

Выхожу к какому-то храму. Блаженного вида поп прощается с плачущей женщиной в платке. Ее раболепная вера, как поводок, волочится за ней: в считанные секунды наматываю на кулак ее волю и притягиваю к себе.

Подходит. Дурнушка среднего возраста. Невежество и глупость пустой, бессмысленной жизни отпечатались на заурядной физиономии, как на скрижали. Работает в церковной лавке, «торгует Богом».

В один миг в ней разгорается влечение. Отныне не властная над собой бабенка ведет меня к себе. Да сними ты, наконец, платок и выброси! Говорим о каких-то пустяках, интересных лишь ей... Когда поднимаемся в лифте, я не сдерживаюсь и прикусываю ее нижнюю губу. Разумеется, ей нравится. Кровь струйкой сбегает по подбородку. Ее бедра приходят в движение, балансируя вокруг намокшего лона, а томный, влажный взгляд и некрасивое лицо усиливают мое возбуждение. С размаха бью, и размазанная по щеке кровь делает ее чуть симпатичнее. Улыбнись же... Какая молодец!

Пока она открывает дверь, рву ее сальные спутанные волосы. С силой толкаю в проем — женщина падает на пол. Нищее жилище с лохмотьями обоев и иконами на стенах... Портрет погибшего брата на тумбочке. Бросаю даму на кровать и иду искать инструменты. Нахожу молоток и горсть гвоздей, которыми посыпаю, словно приправой, нашу постель. Обнаженную, ставлю ее на четвереньки. Трахая, один за другим прибиваю ее пальцы к изголовью кровати. Все ее жалкое существо, послушное моему удовольствию, сладко стонет в своей последней исповеди. Она обмочилась, когда я одним ударом вбил гвоздь ей в шею. По самую шляпку. Далее забиваю их вдоль позвоночника, через равное расстояние... Умирая, ее тело содрогается от боли и наслаждения, но все-таки она пытается повернуть пробитую шею, чтобы я видел ее лицо, когда кончу. Мы делаем это одновременно: я заливаю спермой ее нутро, она — подышает. Следом за оргазмом меня накрывают резкие спазмы внизу живота: шов разошелся. Поднимаюсь на дрожащих от усталости ногах. У-ух, недурно!

Перед уходом прибиваю одну из икон к ее голове.

Сытое напряжение в опорожненных чреслах. Саднящая боль в паху сопровождается медленным, но неослабевающим кровотоком... За неспешным обедом, сидя в тихом уголке пустого кафе, я посредством телефона знакомлюсь с величайшими достижениями этой информационной эпохи.

Если видеосъемка позволила человеку зафиксировать всю низость своего естества, то Интернет сделал это знание общедоступным. Совокупления на камеру стали профессией. Недостатки монархии сменились популизмом выборных должностей. Победенный машинами голод привел к всплеску рождаемости никому не нужных людей, чья жизнь часто стоила (а кое-где стоит и до сих пор) дешевле хорошей охотничьей собаки. И как стаю бездомных псов всегда возглавляет обыкновенная дворняга, так и безродным малообразованным массам потребовались властители, отвечающие их примитивным представлениям о вожаке. Слава и значение серийных убийц-виртуозов последнего столетия, чья изощренность с головой выдает их одержимость некой потусторонней сущностью, подобной мне, блекнут в сравнении с одиозными диктаторами: утилитарность их массовых убийств — главное свидетельство того, что руководствовались они исключительно собственной волей. После осознания этого факта похвальба первых выглядит неуместной на фоне молчаливого, кратного миллионам жизней превосходства вторых. В отличие от первых, они из чистого прагматизма

скрывают свои злодеяния, сколь бы масштабны те ни были.

Да-а, человечество склонно совершенствоваться и превосходить само себя, в том числе в самых гнусных устремлениях, чему лично я могу быть только рад, поскольку всегда считал отвратительное и безобразное лишь противоположной и столь же труднодостижимой стороной прекрасного и возвышенного. Случайно нахожу изображения собственных картин, переживших сотни поколений и не меньшее число войн, а теперь хранящихся в музеях. Хотя куда больше я запомнился ролями двух римских императоров... Несмотря на неизбежность пульсирующей боли, воспоминания о тех стародавних безумствах вынуждают меня громко расхохотаться. Я никогда не был человеком долго и всегда уходил до тридцати пяти, предпочитая жить ярко и безрассудно, вызывая у своих дорогих современников ужас и восхищение — качества, в равной степени ценимые мною.

Задумавшись, смотрю на голубоватое мерцание экрана: там обезьянка ловко использует присоединенную к ней металлическую руку, наука дарует слух глухим от рождения, «Вояджер» покидает эту планету, чтобы через сорок лет выйти за пределы Солнечной системы... Надо же, они ошибочно считают, что их главной и последней преградой является космос!

Погруженный в изучение окружающего мира и связанные с этим размышления, я не чувствую вкуса еды и не замечаю, что прошло уже несколько часов. Жизнь капля за каплей покидает меня...

Выхожу на улицу.

Распахнутые души идущих навстречу верующих заставляют улыбнуться, а те, остальные, зовущие себя атеистами... Я предпочитаю не замечать их. Дедуля в инвалидной коляске, в прошлом — видный нацист. Хочется поприветствовать ветерана тем жестом, которым его когда-то встречали войска СС, но здесь слишком людно, поэтому просто на ходу отдаю честь. Память о тебе и твоих подвигах будет жить вечно, старик! Молодая девушка застенчиво обращается к подвыпившему рабочему, предлагая себя. У него совсем нет денег, милая, не трать время. Встречаю лысеющего мужчину в очках, в щуплых руках — футляр от скрипки. А-а, учитель музыки уже дал несколько уроков половой жизни своим маленьким ученикам... Останавливаю его, от души поздравляю с успехами Анечки и подмигиваю. Он бледнеет: я прочитал его мысли, а были они отнюдь не о сольфеджио.

А вот молодой человек. Пергаментная кожа юноши слишком плотно обтягивает скулы, чтобы причина крылась в нерегулярном питании. Наркоманы во все времена так похожи друг на друга, что этот кажется мне хорошим знакомым. Да будет усеян шприцами путь твой!

На пятом этаже полыхает квартира. Темный ток смерти принес весть о произошедшем — забава хитрого демона, прикинувшегося Богом. И у меня не получается сдержать смешок. Да, такова жизнь смертных: не каждому дано закончить этот день в здравии. словно в подтверждение этому вижу толпу на тротуаре — глазуют на то, как из смятой машины извлекают труп. Народ скучает по публичным казням прошлого — да и я заодно. Стоя среди них, наблюдаю, как насыщаются паразиты в розовеющих глазах зевак.

Мир изменился, но, к счастью, люди остались прежними.

По обе стороны от меня загораются вереницы уходящих вдаль фонарей. Я устал. Мимо проезжает пожилая пара на сеговях. В сознании раз за разом воскрешается образ той, в красном платье... Плющ водостоков однообразно цепляется за края домов и то сросшихся, то разделенных канавками улиц, по которым двигаются люди и автомобили — весенний сор изо льда и опавших ветвей. Темнеет. Начался мелкий дождь. Матовая, ровная поверхность недавно положенного асфальта отталкивает капли, собирая их в лужицы и преломляя лучи городского освещения — всех этих фар, фонарей и вывесок — в сотни новых, незнакомых мне оттенков. Воспаленные мысли крошатся о странные и чуждые мне эмоции. На дне водоворота перманентного головокружения из сотен мечтаний теплого, ожившего сердца остается одно, главное: она смотрит на меня, подлинного, настоящего. И мой безобразный облик, чуждый всему человеческому, не вызывает у нее отвращения... Вижу спутник в небе, его бесшумный и плавный полет. Меня переполняет невыразимый восторг, который можно объяснить лишь осознанием небывалого: я влюблен. Она может принадлежать только мне! Я ведь был женщиной множество раз... Чтобы завладеть ею, мне нужно будет найти новую оболочку.

Вновь оказываюсь у небоскребов. Сажусь на бордюр напротив них. Дождь усиливается, с волос течет на лицо, холодные струйки пробираются за воротник. Мое тело будут искать, вскоре я покину его... Вспоминаю убитую мною дурочку. Становится немного жаль ее мать, которая вряд ли переживет еще одну утрату.

Темный занавес ночи скрывает мое искаженное лицо, ливень смывает слезы. Хочу приподняться, но нет сил... Падаю на спину. Расстегиваю штаны, просовываю пальцы обеих рук меж нитей шва и что есть силы тяну на себя верхний край раны. Смешиваясь с потоками воды, кровь вытекает из меня, должно быть в тысячный раз питая землю. Кто-то замечает это и зовет на помощь.

Перед смертью мне вновь мерещится хищный разрез ее глаз. Невероятная палитра чувств для одного дня! Завтра... Завтра я постараюсь быть просто человеком.

Наутро меня снова вырвало.